



Чаю воскресения мёртвых



Глава 1

ЗЕМЛЯНИКА С ПЕРЕШЕЙКА

Падальщица

Во многом можно сомневаться, но одно незыблемо и точно: все люди — прах. Кто-то уже им стал, рассыпался под гнётом лет. Кому-то это только предстоит: иным раньше, иным — позднее. Но, так или иначе, человек — мешок с прахом. Вопрос лишь времени.

Я закончила готовить тело старухи к погребению. Обычное скучное дело — на её тонкой коже не оказалось ни ран, ни следов хвори. Умерла от старости, вот и всё. Вытерев руки в перчатках о штаны, я укрыла тело саваном и переложила на расстеленные носилки.

Вытащив носилки со старухой на улицу, я сняла с лица маску и остановилась перевести дух. В окнах соседних домов виднелись любопытные лица — ещё бы, сами вызвали падальщика, когда соседка перестала выходить из дома, и смотрят теперь, какой знак им подам. Сложу пальцы в круг — значит, всё чисто. Выставлю вверх указательный палец — остерегайтесь, вашу соседку сожрала зараза. Не увидев на мне маски, многие заулыбались и без знака, но всё же я показала круг.

Чалая лошадь щипала вялые травинки и обмахивалась хвостом. Я откинула заднюю створку телеги и подняла носилки. Хорошо, что почившая была совсем худой, прозрачной, как высосанный пауком мотылёк, иначе пришлось бы попотеть, а то и вовсе звать на помощь других падальщиков и отдавать им часть заработка...



За умершую от хвори получила бы больше. А так — мешочек с десятком серебряных ликов. Вскочив на облучок, я пустила лошадь шагом. Надо передать тело старухи могильщику и отдать ему три лика — плата за погребение всегда входила в оплату падальщика. А потом можно найти таверну, отдохнуть и перекусить.



— Эй, малой! — я окликнула рыжего мальчишку, который крутился около дверей таверны вместе со старшими приятелями. — Купи мне медовухи и пирогов.

Он насторожённо замер, разглядывая мою одежду и маску, спущенную на шею. Конечно, сейчас будет умничать: «Баба-падальщик, разве такое бывает?» Я похлопала по мешочку с монетами, чтоб звякнули.

— Купишь на мои деньги, ещё пол-лика навешу в придачу.

Мальчишка заколебался, но всё-таки отошёл от своих друзей, которые тоже бросали на меня любопытные взгляды, приблизился и протянул грязную ладонь:

— Сначала заплати.

Я фыркнула и скрестила руки на груди.

— Знаю я вас, простых. Понесёшься так, что с гончими псами не поймаешь. Может, кто из твоих дружков хочет пол-лика? — Я свистнула и махнула парням: — Эй, вы! Хватит таращиться, выручайте.

Малой поджал губы и кинулся в таверну, аж пятки засверкали. Я ухмыльнулась, села на землю и вытянула ноги, прислонившись спиной к оградке.

Внутрь зайти я не могла. Любой падальщик или могильщик должен пройти очищение после того, как дотронется до смерти. Неважно, что унесло жизнь

почившего: хворь ли, раны или простая старость — смерть есть смерть, и нечего нести её к живым.

Я могла бы очиститься в купальне или священным огнём. Могла бы и просто переждать три дня в доме с запертыми дверями и окнами, но этот способ мне совсем не нравился. Во-первых, я потеряла бы деньги. Во-вторых, умерла бы от скуки. И тогда уже за мной выехал бы падальщик на телеге... Я поднесла ко рту кулак, пряча смехок. Лагре отвесил бы мне подзатыльник за такие шуточки.

Ни в купальню, ни в святилище мне не хотелось идти. По крайней мере, не прямо сейчас. Гораздо лучше подкупить мальчишку и подождать на воздухе, пока погода ещё не переметнулась на сторону ветреной осени.

Мешочек с деньгами немного похудел после того, как я передала мёртвую старуху могильщику. Наверное, могильщикам и падальщикам стоило держаться вместе: гильдия смерти — звучало бы неплохо. Кто лучше поймёт того, кто осматривает трупы? Только тот, кто их закапывает. Остальные лишь наблюдают с затаённым ужасом, насторожённой, брезгливостью — что рисует их воображение в те моменты? Представляют, что осмотр мёртвых доставляет мне удовольствие? Думают о том, сколько заразы я разношу на закрытых чёрных одеждах? Но точно уверена в одном: местные мужчины, когда понимают, что их приглашённый падальщик — девушка, начинают представлять, каково провести со мной ночь.

Вот и один из старших друзей моего рыжего товарища едва ли не рот раскрыл, разглядывая меня.

— Не воняю мертвечиной, можешь сам убедиться. У нас вся одежда пропитана воском и отварами. Не заразная, каждый семиднев хожу к лекарю. Что тебя ещё интересует? Не отдамся тебе даже за пятьдесят золотых ликов — ты слишком юный и прыщавый, а твоя мать будет против такого расточения семейного бюджета.





Лицо юнца приняло оттенок варёной свёклы. Он убежал, а его дружки расхохотались и захолопали в ладоши.

Мой посыльный вернулся с кружкой сбитня и тремя пирогами. Любопытство на его лице горело ярче любой лампы. Я цокнула языком, понюхав кружку.

— Медовуху от сбитня не отличаешь? Что я присила?

Мальчишка даже не смутился.

— Так мелкий я, хмельного не продают.

Да уж, тут я оплошала. Но и сбитень был недурной, горячий, пряный, как раз, что нужно. Я отсчитала две монеты и не забыла накинуть половину серебряного лика сверху. Мальчик просиял, но не унёсся тут же, а сел рядом, держась, впрочем, на безопасном расстоянии.

Я стянула зубами перчатку и протянула ему руку:

— Ивель. Да, баба-падальщица. Спрашивай, раз интересно.

Мальчишка с опасением глядел на протянутую ладонь, и я знала, о чём он думал. Осталось повторить то, что уже говорила его дружкам:

— К лекарю хожу, не заразная. Хвори никакой ко мне давно не прилипало, не бойся.

Он осторожно, быстро пожал мне руку.

— Я Риго.

Кивнув, я впилась зубами в пирог. По большому счёту, мне не было никакого дела до того, как звали мальчишку: каждый день ко мне цеплялись то юнцы, то выпивохи, то любопытные девчонки, и запоминать всех по именам я не могла, да и не хотела. Пироги оказались превосходные: только из печи, обжигающе-горячие, сочные, с мясом и луком. По моему подбородку потёк жир, и я утёрла его второй рукой, что оставалась в перчатке. Я ждала, пока этот Риго начнёт сыпать вопросами:

— Правда, что падальщик может запросто любой дом обчистить?

Ах вот оно что! Шкурный интерес. Я сурово взглянула в возбуждённое лицо Риго.

— Хочешь надеть маску и закрытые одежды? Тыкать в мёртвых тростью и махать над ними окуривателем?

— Ну... кто знает, как жизнь-то сложится.

— Не любой дом. Только тот, куда вызвали. И то не всегда — если мертвеца унесла не зараза. Тащить к себе заражённые вещи не очень-то хочется. Да и не все умершие — богачи. Сегодня я была в доме одинокой старухи. Что там брать? Глиняные миски и дешёвые образа Золотого Отца? Нет, Риго. Я не забрала оттуда ничего.

— Но ведь встречались тебе сокровища?

По правде говоря, я редко что забирала из пустых домов. И не потому, что боялась заразиться, — просто не было в том нужды. Да, у иных падальщиков дома обставлены получше, чем у некоторых вельмож и купцов, но у меня своего дома не имелось, только комнатуха над кабаком в Стезеле. И вовсе не бедность была тому причиной.

Я пошла в падальщики не по нужде и не ради разграбления домов. Денег у меня водилось в достатке... ну, как у меня — у родителей и у брата. Лагре к тридцати одному году дослужился до командующего царской армией: настоящая гордость родителей. Он один принёс нашей семье столько почестей, что на мои причуды отец с матерью решили закрыть глаза: пускай бегаёт, где хочет, наследник у них есть, и такой, что весь Стезель, да и стольный Зольмар позавидуют. Мать надеялась, что с нашим достатком и связями запросто выдаст меня замуж, как только ей самой того захочется. Мне думалось, что это может произойти, едва мне исполнятся неприличные для незамужней девушки двадцать пять. Что ж, два года ещё могу заниматься тем, что действительно интересно. Всё равно мне не позволят выйти за того, за кого я захочу.





Моё ремесло стало эдаким протестом. Но то, что началось с баловства и упрямства ради по юности, выросло в настоящую страсть. Сперва я просто хотела перестать зависеть от отца и его дел, отделить себя, Ивель Лариме, от брата Лагре Лариме и его славы. Мне всегда хотелось зевать от праздных разговоров о погоде, о вышивке, о кавалерах. Меня душили приёмы и балы, бесполезные подарки и сальные взгляды престарелых отцовских партнёров по делу. И я быстро поняла, что небольшие средства, выдаваемые отцом, — мой поводок, моя привязь. Мне хотелось совсем иного.

Родители приняли мою причуду. Не сразу, но приняли. Конечно, я не тотчас съехала из родного имения — сперва объявила, что хочу обучаться лекарству у церковника. Мне понадобилось полтора года, чтобы убедить мать, что падальщица ничуть не хуже лекариши. Мёртвые не стонут и не жалуется, да и пахнут немногим хуже живых. Мало-помалу я начала зарабатывать свои деньги, а когда поняла, что их достаточно, чтобы жить одной, сняла комнату и съехала от семьи. Никто не устраивал в мою честь поминальных обедов, но сперва мне казалось: отцу хотелось бы, чтоб я умерла. Но и он привык. Кто узнает, что приглашённая падальщица — младшая дочь купца Лариме? Все падальщики одеваются так, чтоб ни пяди кожи не было видно, а на лица надевают маски с вшитыми мешочками трав, чтоб не вдыхать гнилостные запахи и ничем не заразиться. Я возвращалась домой, если того требовали обстоятельства: на большие праздники, когда съезжалась толпа гостей. В остальные же дни мать вынуждена была говорить знакомым, что я уехала в Арштатское училище и готовлюсь открыть свою аптекарскую лавку, когда вернусь.

Встречались ли мне сокровища, как спросил Риго? Да, встречались. Полные шкатулки чужих писем, резные памятные бусины, винные бутылки с надписями

на этикетках: «Открыть в честь восьмидесятилетия». Мне попадались человеческие воспоминания, надежды и чаяния — истинные сокровища, но мальчишка, ясное дело, спрашивал не о том.

Я передёрнула плечами, запихивая в рот остатки пирога.

— Пару раз находила женские украшения, годное оружие и мешочки монет. Я не граблю дома подчистую, да и никто из падальщиков не грабит — и уж точно не продаёт опустевшие жилища, выдавая за свои.

Я хлопнула Ригу по плечу, допила сбитень, вернула мальчишке кружку, чтоб отнёс обратно, и запрыгнула в телегу. Запах трав, пропитавший одежду, начинал надоедать, хотелось скорее добраться из пригорода в Стезель, пройти очищение и переодеться.



13

После облачения падальщика холщовое платье ощущалось на теле непривычно легко — словно прикосновения рук любовника. Стараясь ступать осторожно, я прошла святилище насквозь. Моя вера в Золотого Отца никогда не была крепкой, но здесь дыхание отчего-то замедлялось само собой, хотелось шагать тихо, так, чтоб от полированного тысячами ног каменного пола не отдавалось ни единого звука.

Свечи уже не горели, на скамьях не было никого — закончились все службы, теперь, после захода солнца, прихожан можно было встретить лишь в остроглавых святилищах Серебряной Матери, а прибежища Золотого Отца останутся пусты и безмолвны до самого рассвета.

Витраж с солнцем, посреди которого проступало мужественное лицо, выложенное стёклышками другого оттенка, казался спящим. Ещё недавно, на



закате, его раскрашивало солнце, и всюду сверкало в зале: свет отражался от пола, от стёклышек и слюдяных фрагментов, вставленных в колонны и стены так хитро, что каждая деталь ловила свой луч и направляла в нужную сторону. Всё для того, чтобы заставить верующих трепетать от восторга. Но это не помогало: год от года в святилища ходили всё реже.

Я задержалась на минуту, постояла, запрокинув голову. Главный витраж, расположенный под основным куполом, неизменно впечатлял меня, и спящим он выглядел даже более величественным, чем в полдень, когда Золотой Отец глядел сквозь цветное стекло с изображением самого себя. Сейчас, в полутьме, лик казался не отстранённым, а... грозным. Осуждающим, горестным, разочарованным — редкие искры на стёклах напоминали веснушки на щеках, но они отнюдь не делали образ дневного властителя легкомысленным.

— Ты пришла, моя маленькая падальщица?

Я обернулась. Передо мной стоял он — служитель Ферн, мой наставник.

— Стоит ли осквернять ваше святилище этим словом?

Он улыбнулся и протянул мне обе руки. Я сжала его ладони — сухие, тёплые, с узловатыми пальцами — и поднесла к губам, одаривая поцелуем: не церемониальным, а дружеским.

— Золотой Отец спит и не слышит нас, Ивель. А я волен говорить всё, что возжелаю. И не забывай: Золотой Отец нынче слаб, а Милосердный ни на кого не смотрит с небес.

Я смотрела, как Ферн улыбается в мягком полумраке — лукаво, хитро, а прозрачные глаза, как он ни старался скрыть, блестели жадным любопытством. Мне хотелось отдохнуть с дороги, а что может дать лучший отдых, чем разговор с другом?

— Осталось ли вино с полуденной службы?

Ферн улыбнулся шире, показывая зубы со щербинками.

— Пойдём.

В келье горела лампа, на столе и вправду обнаружилась початая бутылка вина и пирог со свиной и зеленью, в очаге подогревалось жаркое. Я опустилась в кресло, Ферн достал второй бокал, налил вина и протянул мне вместе с куском пирога.

— Сегодняшние подавания были щедрыми, — заметила я. — Спрятал что-то в погреба?

— Щедрыми, если сравнивать с прошлым семидневом. И скудными, если смотреть на то, сколько их было пять лет назад.

— Но вино отменное. Что за вкус? Не могу понять... Клубника?

— Земляника. Собрана на Перешейке. У нас её почти не осталось, зато в Княжествах целые поляны ею усеяны. Красная ягода с ароматом девичьих поцелуев.

Он повёл рукой, указывая на небольшую миску, которую я не сразу заметила. Миска была наполнена подвяленными тёмными ягодами, пахнувшими так же, как вино. Я схватила сразу три штучки и кинула в рот, зажмурившись от удовольствия.

— Что же, славно, славно. Скажи-ка, Ферн, ты ещё упоминаешь Золотого Отца в проповедях или теперь рассказываешь исключительно о Милосердном?

Ферн выглядел довольным. В удобном кресле, с бокалом вина в руках, он сейчас не походил на священника, скорее, выглядел как представитель знати, облачившийся в рясу.

— Начинаю с имени Золотого Отца. Ну а дальше... Дальше — о переменах, милая Ивель. Нельзя посеять новые мысли, когда постоянно говоришь о старом.

— И что, слушают тебя? Не кидаются гнилой капустой?

— Если найдёшь на моей одежде хоть пятнышко, скажи, и мы поменяемся с тобой местами. Я буду тащить трупы, ты — читать проповеди. Идёт?

Я фыркнула:





— Уйти в услужение и отказаться от всех удовольствий? Уж лучше я буду возиться с трупами.

— Я-то не отказался, — возразил Ферн и отсалютовал бокалом вина.

— Ты — бунтующий священнослужитель. Паук, плетущий паутину в святилище под носом у Золотого Отца. Будь осторожен, иначе он разозлится и испепелит тебя своими лучами.

— Тут ты не права. Меня спасёт Милосердный.

— Хорошо, когда проповедник верит в свои проповеди.

— Плох тот проповедник, который не может заставить себя поверить в то, что говорит.

Ферн с чрезвычайным самодовольством откусил кусок пирога и отряхнул руки. Я заметила новые предметы в келье, которых не было в мой последний визит: зеркало в дорогой оправе, серебряный канделябр, резную чашу для фруктов. Некоторые прихожане и правда были щедры. Пусть всё меньше людей верило в старых небесных покровителей — Золотого Отца и Серебряную Мать, зато проповеди о загадочном Милосердном привлекали определённую публику.

По правде говоря, пять лет назад, когда мы с Ферном только познакомились, он поведал мне о своих идеях, и я подумала, что сказанному не суждено сбыться. Слишком странными были речи священника. Да, уже тогда вера людей в Золотого Отца и Серебряную Мать покрылась трещинами. Люди охотнее верят в то, что можно увидеть своими глазами: в царские оранжереи с дивными фруктами, в самострельные мушкеты, которыми начали оснащать полки... Луна и солнце взирают сверху каждый день, но спроси любого на улице, и тебе ответят, что дары небожителям уже не обеспечивают лёгкую жизнь.

По утрам и вечерам святилища по-прежнему полнились прихожанами: те посещали службы скорее

по привычке и из суеверного страха перед тем, что случится, отвернись от них Отец и Мать. Но недавно пошли шепотки: некоторые священники уходили из святилищ и отправлялись бродить по деревьям, проповедуя веру в Милосердного. Милосердный, говорили они, не смотрит равнодушно с неба, а ходит среди людей, такой же, как они, только бессмертный. Не просто ходит: помогает страждущим, если они молились ему и приносили щедрые дары.

Некоторые с радостью приняли эту байку. В деревьях, где не строили величественных святилищ, люди легко поверили, что по земле бродит кто-то, готовый помочь в случае нужды. Церковь Милосердного принимала в свои ряды всё больше и больше прихожан, а уличные проповедники собирали настоящие толпы, которые иногда даже приходилось разгонять караульным.

Ферн тоже воодушевился идеей нового верования. Если сказать точнее — тем, что верование может принести лично ему. Я даже подозревала, что это он стоял у истоков: связей и хитрости Ферну точно хватило бы, да и в разговорах нет-нет да и проскакивали намёки. У меня не хватало воображения представить себе человека, более стремящегося к власти, чем он. Ферн рассказывал мне то ли сказку, то ли быль о врачевателе, сильном и умном волхве, много лет назад уехавшем в Княжества, лелея надежду познать тамошнюю тёмную ворожбу и стать величайшим волхвом своего времени. Я не знаю, получилось ли у него, зато у Ферна, верю, могло бы получиться всё, что бы он ни задумал. И когда я смотрела на него — невысокого, но хорошо сложенного, с зачёсанными назад седеющими волосами, с тонким благородным лицом и хитро прищуренными серыми глазами, мне хотелось помочь воплотить любые, самые сумасшедшие его задумки. Нет-нет, я никогда не была влюблена в Ферна и не испытывала к нему даже дочерних чувств, просто эта властность, самоуверенность и за-





таённое довольство могли расположить к себе едва ли не любого.

Ферн действовал осторожно, как рысь на охоте. Он не выступал на площадях, не боролся против царя и не подвергал сомнению традиционные верования в Золотого Отца и Серебряную Мать. Что об этом говорить, он ведь как-то стал священником в Золотом святилище, значит, по крайней мере в молодости, горячо верил в добрую волю Отца.

Я сделала ещё один глоток вина и вгляделась в лицо Ферна. Тени очерчивали его острый нос и высокие скулы, делая выражение лица жёстким, требовательным. Я догадывалась, что он жаждет узнать, и не стала дольше томить своего наставника.

— Ничего странного. Никаких признаков... болезни. Люди расстаются с жизнью скучно. Напившись допьяна, падают в реки. Умирают от старости. От простуды или неверного ножа. Но не от заразы. В Царстве чисто, Ферн. Я точно это знаю.

Ферн недовольно скривился, но всего на миг, очень быстро его лицо снова стало притворно-сочувствующим — да, он умел делать вид, что слушает прихожан со всем возможным вниманием и принимает их беды как свои собственные.

— Ты уверена?

Будь передо мной кто-то другой, я бы вспыхнула, но сейчас просто ответила, стараясь, чтоб голос звучал так же твёрдо и ровно, как его, когда в привычные речи службы Золотому Отцу он вворачивал фразы о Милосердном.

— Уверена.

— Что ж, Ивель. — Он снова отряхнул руки, будто бокал с вином мог их испачкать. — Если ты заработала достаточно денег за это время, то я бы хотел, чтобы ты отправилась кое-куда.

Я насторожилась. Земляника с Перешейка так и манила, блестела в миске, источая сладкий аромат, но я не решалась взять ещё. Ферн хитёр, и за каж-

дую съеденную ягоду мне ещё придётся заплатить. Не деньгами, а своей верностью.

— Зачем?

— Любая другая девушка спросила бы «куда», а ты подходишь сразу к делу. За это я и люблю тебя. — Ферн улыбнулся, и мне показалось, будто его глаза блеснули золотом. — Здесь тебе нечего больше делать, Ивель. Ты сполна насмотрелась на скучных мертвецов. Пора усерднее служить Милосердному. И мне.

— Тогда проще спросить «куда», ведь я всё равно мало что поняла из твоего ответа.

— На могильники Перешейка.

Ферн посмотрел на меня так мягко и заискивающе, что у меня не осталось сомнений: он до смерти нуждается во мне и во что бы то ни стало уговорит тащиться на Перешеек. Я вздохнула со стоном.

— Я никуда не поеду, Ферн. Это далеко и долго. Родители терпят меня, потому что знают, что я где-то рядом. А Лагре при необходимости надерёт мне уши.

— Так не говори никому, — произнёс Ферн и ненавязчиво подвинул ко мне миску с земляникой. — Пусть твоё задание станет нашей тайной.

— Ты думаешь, так просто скрыть моё исчезновение? Я не отшельница, Ферн. У меня и родители, и брат, и Аркел... Нет. Нет-нет. Ищи других, в Стезеле полно падальщиков.

Он потянулся ко мне, будто хотел взять за руку, но я отстранилась. Мне просто не хотелось никуда срываться, даже ради друга и его безумной идеи обратиться Царство в новую веру. Я хотела спокойно пропивать свой заработок в пивнушках, покупать симпатичные безделицы и приходиться к Аркелу тогда, когда мне самой хотелось провести с ним время. Мне не понравилось то, что Ферн захотел получить больше власти над моей жизнью, чем у него уже было.

— Ты одна, кто может это сделать. Ты особенная, Ивель.





— Ничего особенного. — Я пожала плечами. — Женщина-падальщица. Едва затаскиваю трупы в телегу. Каждая шваль считает, что я лягу с ним за выпивку.

— Я не про то. Ты много работаешь и далеко продвинулась. Ещё недавно ты была лишь слабой, ведомой купеческой дочкой. Ты упорная и внимательная. И ты училась ворожке.

Последнее он сказал особенно вкрадчиво. Будь я младше и глупее, могла бы и растаять от такого доверительного тона.

— Но так ничему и не научилась. Мою ворожку нельзя назвать удачной. Ты сам видел, я не смогла сделать ничего хоть сколько-нибудь... колдовского. — От этого нелепого слова меня передёрнуло. — Ради Отца и Матери, ради твоего Милосердного, Ферн, ну не стоит меня впутывать в твои паучьи дела! Я и так стараюсь для тебя больше, чем кто-либо другой.

— Ни больше ни меньше. Ты делаешь свою работу, Ивель. И делаешь её хорошо, надо отметить. Я лишь хочу тебя подтолкнуть, чтобы ты стала ещё лучше. Ну, и чтобы люди истинно уверовали в Милосердного.

Ферн подмигнул мне и отправил в рот целую горсть земляники. Я покачала головой. Даже хмельная дымка вина, окутавшая мысли, не могла изменить моё решение.

— То, что ты просишь, просто отвратительно, Ферн. Мы уже говорили об этом. Отвратительно и опасно. Это вовсе не то же самое, что вылавливать разбухшие трупы пьяниц из рек. И вовсе не то, чтобы омывать одиноких, ушедших своей смертью старух. Ты просишь меня вскрывать могилы несчастных, чьи жизни унесла непонятная хворь. Что, если я сама заражусь? Не хочу, чтобы моё лицо раздуло и усыпало язвами. Вдруг клюв вырастет? Слышала я разные небылицы.

Я выдавила нервный смешок, пытаюсь обернуть всё в шутку и вывернуть разговор в другую сторону, но Ферн был непреклонен. Да уж, ему не так просто запудрить мозги.

— Облачение падальщика не позволяет хворям проникнуть в твоё тело, — терпеливо напомнил Ферн. — Мы делали тебе защиту от Мори, пусть ты и не веришь в то, что она действительна. А ещё тебя будет хранить Милосердный. Целых три ступени защиты, Ивель.

— Милосердный, которого вы с дружками придумали для того, чтоб завладеть умами народа. Кого он способен сохранить? Если только тебя самого, если поверишь в него так, как навязываешь прихожанам.

Разозлившись, я тоже хватанула земляники и сунула в рот. Её сладость обожгла горло и вскружила голову, как поцелуи Аркела. Я вдруг поняла, как сильно соскучилась по любовнику, и разозлилась на Ферна ещё больше за то, что он держит меня тут и пытается впутать в очередную безумную затею.

— Злишь сама на себя, — сказал Ферн, будто догадавшись, о чём я думаю. — Я не звал тебя, ты сама захотела прийти. Ради денег или пожелала увидеть меня?

— Ты благочестивый козёл. Могу я хотя бы подумать? И ещё. Ты тоже хорошенько подумай. Над выгодой, которую сможешь мне предложить.

Я обтёрла липкие земляничные пальцы о светлое платье, оставляя полосы на боках. Плевать, выстираю, если захочу, а если нет, оставлю с пятнами. Решу сама, и уж тут Ферн мне точно не указ.

— Уже уходишь? Посиди ещё.

Ферн одарил меня таким невинным взглядом, каким, должно быть, одаривал старых дев, проходящих на проповеди и видящих в нём безгрешного церковника, а не властного хитреца. Я скривила губы.

— Не надо вот этого. Ты хороший священник, но с дружбой у тебя проблемы.





Я встала и зашагала прочь.

— Обязательно подумаю о твоей награде, Ивель! — донеслось мне вслед.

Подумаешь, куда ты денешься.

От зала святилища привычно захватило дух. Я спрашивала Ферна, какие святилища нужно будет строить Милосердному и нужны ли они вообще, но что-то мне подсказывало, что величие обитателей Золотого Отца трудно будет переплунуть. Даже после разговора с Ферном мне казалось, что сверху сниходят лучи благодати. Мне это не понравилось, никогда не любила чувствовать себя слишком... одухотворённой. И если после кабаков частенько хотелось вымыться, то после святилищ мне всегда хотелось навестить Аркела.



Своим желаниям я привыкла потакать. Кто-то однажды мне сказал, что неисполненные желания приводят к проблемам с пищеварением, а для падальщика важно иметь крепкий желудок.

В театр к Аркелу я почти что бежала — и успела аккуратно к концу спектакля.

— Что за запах? — спросил Аркел, отрываясь от моей шеи.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что он имеет в виду.

— Земляника. Ферн угощал.

Пальцы Аркела стиснули мои бёдра и разжались. Даже сквозь грим было видно, как между выбеленными бровями пролегла недовольная складка.

— Ты сначала пошла к нему, а уже потом — ко мне?

Я рассмеялась и поцеловала Аркела в губы, с которых уже стёрлась краска. Он отвернулся, не ответив на поцелуй. Я не стала останавливаться и положила

руку ему на затылок, приближая к себе. Я уже слишком разгорячилась, чтобы выпустить его из объятий.

— Неужели ты ревнуешь? Это бодрит.

Аркел шумно выдохнул, когда я прикусила его за мочку уха, и всё же подался вперёд, ко мне. Я крепче обхватила его ногами за пояс и почувствовала, как его жилистое тело вжимается в моё.

— Ревную. Не люблю, когда от тебя пахнет праведностью. Эти благовония... или чем он окуривает своё святилище?! Не могу спать со святошей.

— Меньше болтай, — посоветовала я.

Стол раскачивался от наших движений, и флаконы с краской, позвякивая, падали на пол. Гримёрное помещение Аркела было совсем тесным, мы вдвоём едва могли разойтись, но раньше нам и вовсе приходилось ютиться по чужим углам или прятаться снаружи, у загонов с дрессированными животными. Меня это не волновало, даже нравилось бурлящее в крови чувство... не опасности, нет. Ощущение, что нас могут увидеть, приправляло наши встречи приятной остротой, и теперь, чтобы вернуть его в отдельной комнате, мне хотелось сильнее шуметь. Аркел не разделял моих пристрастий и боялся, что из-за меня его могут выставить из театра, но всё же продолжал идти на поводу. Это было приятно.

Приятно было и то, что Аркел ждал меня так, как я любила: не снимая сценических одежд и не смывая грима с лица. Под пальцами шуршала ткань, множественностью слоёв укрывающая тело моего любовника, сверкал стеклярус и золочёные нити. По выбеленному лбу Аркела катились капли пота, смывая краску, а голубые, густо подведённые чёрно-синим глаза казались ещё ярче. Иногда, вытаскивая из жилища очередной труп, я задавалась вопросом: люблю ли я Аркела? Люблю ли его самого или лишь его кричащие наряды и раскрашенное лицо?

— Не ходи к нему, — шептал Аркел мне на ухо, дыша тяжело и горячо. Я почти не слышала его из-за





шума крови в ушах и собственных вздохов. — Не ходи больше к Ферну, я прошу тебя, Ивель.

— Что ты так взъелся на него?

— Он хочет от тебя чего-то странного. Хочет сделать из тебя кого-то другого.

— Молчи, Аркел. Хоть сейчас помолчи.

Следующие минуты и правда прошли без слов — лишь со скрипом стола и нашими стонами. Аркел выдохнул и обмяк, навалившись на меня. Я провела ладонями по его груди, по оборкам и расшитым шелкам, приятно шуршащим под пальцами, и поцеловала щёку в растёкшемся гриме. От Аркела пахло апельсиновыми духами, потом и едким запахом белил. Меня наполнял такой сладкий томный восторг, что слова сами упали с губ:

— Если попросишь ещё раз, я больше не пойду в святилище.

Я тут же пожалела о своих словах, но уже не могла их вернуть, как ни хотела бы. Аркел пригладил растрепавшиеся волосы — светлые, как утренние солнечные лучи, и мягкие, как самый дорогой шёлк. Он вытянул из кармана платок и вытер лицо, став, к моей досаде, не раскрашенным артистом, а обычным молодым мужчиной, пусть и разодетым в кружева.

— Ивель, — произнёс Аркел, пристально глядя на меня. — Я серьёзно прошу тебя, перестань ходить в святилище. Ты знаешь, как мне не нравится этот Ферн. Я чувствую, он хочет втянуть тебя во что-то неправильное.

— Он хочет помочь мне раскрыться. — Я взяла Аркела за тонкие бледные руки. — Я задыхалась бы дома, на материнских приёмах. Ферн направил меня по удивительному пути. Верному, неверному — не знаю, но без него я не стала бы собой. И не встретила бы тебя, Аркел.

Он схватил со стола флягу, хмуро глотнул, прикрыл рот рукавом и протянул флягу мне. Я понюхала горлышко: миндальная брага, зверски ядрёная.

— Только что ты обещала послушаться, а теперь тут же перечишь. Мне не нравится, к чему он тебя склоняет.

Я глотнула браги и едва не закашлялась. На глаза навернулись слёзы.

— К чему же?

Аркел снял театральную рубашку и повесил на крючок, оставшись на некоторое время обнажённым до пояса.

— Ты обещала согласиться, если я попрошу, — снова напомнил Аркел, переодеваясь. Его голос звучал недовольно, и я понимала его, но никак не могла произнести того, что обещала. Стало противно от себя самой, но мой скверный характер не позволял согласиться так просто, как хотел Аркел.

— И я бы согласилась. Если бы ты привёл достойные причины. Если тебе кажется, что Ферн желает мне зла, поясни.

Дверь скрипнула, и внутрь заглянула девушка с высокой причёской и не менее высоким бюстом, готовым вот-вот выпрыгнуть из корсета, зашнурованного так туго, что мне самой стало трудно дышать, глядя на неё.

— А-а, ты снова девчонок тискаешь, — ехидно протянула она, глядя на Аркела. — Когда закончишь, поспеши к Немиру. Он созывает собрание трупы.

Девушка закрыла за собой дверь, но неплотно. Через щель были видны тени снующих мимо людей. Я слышала, как Аркел выругался сквозь зубы, но смотреть на него больше не хотелось.

И без того было ясно, что мой любовник вовсе не присягал на верность мне одной. Во многом я и сама была виновата, никогда не отказывая Аркелу в подачках, которые он тратил на выпивку, азартные игры и других женщин. Кто из нас больше нуждался в другом? Он в моих деньгах — или я в наслаждении от близости с разряженным по-шутовски мужчиной?





— Ты не можешь ничего от меня требовать, — шикнула я, приводя в порядок одежду и волосы. От меня по-прежнему неуловимо пахло проклятой земляницей, но к ней примешался и запах Аркела, и запах моего собственного пота. — Я не твоя собственность. И никогда ею не буду.

Он окликнул меня, но я быстро зашагала прочь. Уже выходя наружу по коридору, я пожалела о своих словах, но не стала возвращаться.





Глава 2

ПОСЛЕ МАСКАРАДА

Падалъщица

Меня разбудил мягкий стук в окно. Я дёрнулась, освобождаясь от оков сна: сперва казалось, что это мёртвые пришли за мной и стучатся, но разум быстро прояснился. Очевидно, кто-то забрался на подоконник, желая привлечь моё внимание.

Ругаясь, я вылезла из постели и приоткрыла окно. На карнизе, скрючившись и непонятно как держась, сидел Аркел с покрасневшим от напряжения лицом и, несмотря ни на что, улыбался.

— Ты глупец, — сообщила я.

Выдохнув, Аркел перекатился с внешнего подоконника на внутренний и протянул букет слегка помятых астр — видимо, именно ими он и стучал в стекло.

— Я и так с утра до вечера вожусь с мёртвыми, а ты хочешь, чтобы у меня дома стояли ещё и мёртвые цветы? Нет уж, избавь.

Аркел вовсе не выразил недовольства или разочарования, держал лицо, как истинный артист. Он оставил астры на столе и сел на мою ещё тёплую кровать. Я едва заметно сморщила нос: без грима Аркел нравился мне меньше. Казался каким-то бесцветным: бледная кожа, светлые волосы до плеч и блёкло-голубые глаза. На миг я почувствовала себя настоящей сволочью, которая ценит в людях лишь внешность, но это чувство сразу ушло, стоило Аркелу вновь раскрыть рот.

— Когда ты вернёшься к семье? — спросил он, невинно глядя на меня.



— Не в ближайшее время, — беспечно ответила я. — Что, недоволен театральным жалованьем? Возьми подработку. Можно, к примеру, чистить конюшни. И хорошо бы принести извинения после вчерашнего.

— Подчищать дерьмо лучше, чем вытаскивать мёртвых из домов, — откликнулся Аркел, вторя моему несерьёзному тону. — Извини.

— Если мои деньги для тебя пахнут мертвецами, то можешь не брать их.

Я начинала закипать. Мне хотелось вымыться, одеться и провести утро спокойно, не тратя время на перепалки.

Аркел быстро вскочил, привлёк меня к себе и потянулся ко мне губами. От него пахло розовой водой и пудрой для волос — мягкий, совсем не мужской запах, но мне от него неизменно срывало голову, как и от прикосновений Аркела. Я сама прильнула к нему, и мы тотчас оказались в постели.

— Мне нужно-то всего десять серебряных ликов, — шептал Аркел, блуждая руками по моему телу. — До следующего семиднева. Я заслужу, обещаю.

Он прижался губами к моим ключицам. Я выдохнула, сгорая от страсти, заранее готовая простить ему всё. Что не так со мной и Аркелом? Почему я, зная обо всех его недостатках, продолжала принимать его и помогать деньгами?

— Скажи только, ты снова проигрался или хочешь сводить в сладкую лавочку новую смазливую девчонку?

— Нужно отдать долг, — уклончиво ответил Аркел.

Почему я это терпела? Почему отдавала Аркелу то небольшое, что зарабатывала своим трудом? Не знаю. Было в нём что-то такое, из-за чего я не могла отказать. Что-то беззащитное, мягкое, самым причудливым образом смешивающееся со страстностью и порочностью.

Отсчитав из кошелька десять ликов, я протянула их Аркелу. Он сцапал монеты так быстро, что если бы я моргнула, то могла бы и не понять, куда они делись.

— Пойдёшь на маскарад? — спросил Аркел, довольно откидываясь на подушку.

— Какой ещё маскарад? — Я нахмурилась.

— Маскарад у Лариме. Ты ведь не могла забыть, солнышко, как сильно я хочу туда попасть.

Аркел снова поцеловал меня, так нежно, что я даже забыла возмутиться новой просьбе.

Конечно, как я могла не вспомнить о маскараде? Любимое детище матери — после Лагре, разумеется. Глупый, напыщенный, шумный бал в нашем поместье, куда съезжался весь Стезель и половина столярного Зольмара. Главы гильдий, советники и чиновники всех мастей — все блистали, обрядившись в самые нелепые наряды, скрыв лица и на один вечер потеряв себя в водовороте танцев и выпивки. Аркел и правда давным-давно закидывал мне удочки, едва узнал, что я — та самая блудная дочь Лариме. Конечно, для лицедея такое событие могло стать знаковым. Кто знает, может, Аркелу повезёт встретить мецената или представителя, который продвинет его из рядового балагана в главный театр Зольмара? А если такое произойдёт, мне не придётся вытряхивать из кошелька последние лики, спасая незадачливого любовника от долгов и разъярённых отцов девушек, с которыми он соизволил поразвлечься...

Я застонала и перевернулась на бок.

— Угроздило же забыть. Я не была там лет шесть. Последний раз меня пытались подложить под жирного главу гильдии ростовщиков. С тех пор как-то расхотелось наряжаться и танцевать.

— Может, теперь всё стало иначе?

Аркел осторожно провёл пальцем по моей шее и остановился у ключиц. Он был хорошим актёром и почти сумел скрыть нетерпение, но я-то чувствовала, как сильно, до дрожи, ему хочется, чтобы я провела его на маскарад, куда можно попасть лишь по приглашениям. Ну, или сопровождая одного из членов нашей семьи.





— Стащи из театра костюм вульгарной шлюхи. И маску — такую, чтоб мать с отцом меня не узнали. А сам оденься пороскошнее. Тогда я тебя проведу.

Аркел расхохотался и снова поцеловал меня, на этот раз уже крепко и пылко.



Моя голова лежала у Аркела на груди. Он лениво потянулся к столику, нащупал свой портсигар и скрутил папиросу с фейдером.

— Опять будешь курить эту дрянь? — Я сморщила нос. — Парьё фейдера могут стать причиной постельных неудач.

Аркел хмыкнул, затягиваясь и выпуская желтоватый дым. Пахло приятно, но я хорошо знала, что это курево не может довести до добра. Особенно если сочетать его с выпивкой, а уж Аркел всегда с готовностью угощался вином или брагой у своих многочисленных поклонниц и покровительниц.

— Вот сейчас и проверим, грозит мне неудача или нет.

Уже после первой затяжки улыбка Аркела стала слишком наглой. Я села, подложив под спину подушку и скрестив руки на груди, показывая: с одурманенным не лягу.

По правде, я была бы не против, если б фейдер сделал Аркела менее любвеобильным. Конечно, меня сжигала ревность, хоть я и понимала: между нами не может быть никакой счастливой истории, мы просто спим вместе — падальщица и лицедей с театральных подмостков. И тем не менее мне было неприятно слышать от Аркела рассказы о его похождениях и богатых любовницах, щедро платящих за смазливое лицо и пластичное тело. И ещё меньше удовольствия было в том, чтобы находить на его коже следы

недавних бурных ночей — царапины на спине или багровые кровоподтёки на груди и шее.

Как назло, сейчас взгляд зацепился именно за ссадину на груди Аркела.

— Сколько ей было лет? — спросила я, проводя по ссадине мизинцем.

— Здесь ты не угадала, милая падальщица. Я получил это во время последнего спектакля.

— Там ты тоже играл роль любовника?

Аркел снова затянулся папиросой. Его взгляд становился сонным и блуждающим, поэтому я старалась разговорить его, иначе бы он просто заснул и проспал крепким сном до следующего утра.

— Нет. По сюжету я был неверным, которого убивали воины царя. Деревянным мечом, но он был ужасно похож на настоящий. Почему ты не ходишь на представления? Я бы хотел видеть тебя среди зрителей.

Я улыбнулась, распознав лукавство:

— В самом деле? Ты каждой своей даме говоришь такое?

— Иве-ель, — протянул Аркел. Комнату уже заволокло прозрачной желтоватой дымкой с ароматом цветов — фейдер всегда так пах, — и у меня тоже началась легчать голова. — Не сравнивай себя с ними. Ты ведь особенная, сама знаешь.

Аркел приобнял меня за голые плечи. Пусть я не верила ему, но это всё равно было приятно. Я прижалась ближе, забывая, что ещё недавно таила обиду. Наверное, так на меня действовал дым.

— Моя особенность в том, что я работаю с мертвецами? Твои богатые любовницы занимаются более скучными делами, не так ли?

Аркел хмыкнул и поцеловал меня в висок. Иногда он нравился мне даже таким: бледным, невзрачным без своих костюмов и грима. Словно бабочка, которой стёрли пыльцу с крыльев. Сейчас Аркел казался нежным и беспомощным, и в том, очевидно, была заслуга расслабляющего дыма фейдера.





– Ты особенная тем, что я люблю тебя, Ивель.
– Если лжешь, то лги хотя бы правдоподобно.
– Ты ведь не простая падальщица, – продолжал Аркел, не обращая внимания на моё ворчание. – Ты чудесная. Покажи мне свои чудеса.

Я была уверена, что это – одна из его коронных фраз, после которых женщины млеют и становятся готовы отдать ему всё: от денег до собственных сердец. На меня такие слова не могли подействовать в полной мере, ведь я знала, что Аркел – актёр, а значит, мастерский лгун. Он мог подделать всё, вплоть до вождедеющих взглядов и томных вздохов так, что любой бы поверил, но не я. И тем не менее я ждала наших встреч и по-своему была привязана к нему.

– Это не чудеса. Забытая ворожба, которую Ферн пытается вбить мне в голову. Только не говори никому, иначе меня повесят.

Аркел усмехнулся:

– Скорее меня повесят, чем дочку Лариме и сестру военачальника.

– Не шути со словами, – попросила я. – Ладно. Покажу кое-что. Но ты сам знаешь, что я неважная ученица. Ума не приложу, почему Ферн так во мне уверен.

– Потому что он тоже по-своему любит тебя.

Отчего-то стало теплее от этих слов. Старый паук не использует, а любит меня и заботится о моей жизни – это звучало неплохо, хотя тоже, конечно, было ложью.

Я приложила палец к ссадине на груди Аркела и прикрыла глаза.

Ферн не просто так выбрал меня учить ворожке. За то время, что трудилась падальщицей, я успела в совершенстве выучить человеческие тела: какие они на вид, на ощупь, на запах. Знала, как выглядят раны от ножа, от выстрела, от удара. Каждый день видела смерть: юную, старую, давнюю, едва наступившую. Естественную и насильственную. Я не была

лекаркой, никогда не исцеляла живых, только выносила из домов мёртвых, но Ферн решил: тот, кто так близко знаком со смертью, обязан познать таинства жизни. Это всё равно что идти спиной вперёд — двигаться от смерти к жизни. Странно и немного неправильно.

В первый раз я побывала на Перешейке вместе с Ферном. Мы исследовали могильники — там несколько зим назад остановилась Морь, страшная неизвестная болезнь, пришедшая из Княжеств. Ферн считал, что мои знания о смерти будут неполными, если я не увижу тела тех, кого унесла эта хворь.

Мы занимались ужасным — разрывали могилы, чтобы посмотреть, как Морь изменила людей. В могильниках Перешейка тела сохранялись на удивление хорошо: камень и прохлада берегли их от разложения, и мёртвые могли бы сойти за спящих. Я тогда насмотрелась всякого. Видела рогатых людей, людей с руками-плавниками, людей с чешуёй и древесной корой вместо кожи... Не счесть. Некоторые увечья вызывали ужас, некоторые — странный восторженный трепет. Ферн обещал, что от них нельзя заразиться, нельзя вновь разбередить Морь, но я всё равно работала в маске и костюме, закрывающем всё тело. Я слышала, в Княжествах умерших от Мори сжигали, чтобы не дать болезни и дальше гулять по землям. Может, люди на Перешейке были безопаснее, а может, Морь ослабла, поутихла и дошла до них не столь заразной.

В общем-то, я не слишком верила, что мои дела на Перешейке можно было назвать ворожбой. Что есть ворожба? Забытое умение из старых легенд, нечто сказочное, невозможное. Мне же казалось, что моя деятельность была сродни лекарству. Очень странному лекарству, приправленному чем-то необъяснимым, но всё же ворожеей я себя не считала и фыркала, когда Ферн хвалил меня.

Аркел вопросительно приподнял бровь. Я шикнула на него и зажмурилась, вжимая палец в тёплую ко-





жу, но всё же не сильно надавливая. Я представила, как сходит воспаление, как вновь срастаются частички кожи, закрывая неглубокий порез. Пальцу стало горячо, а в голове налилась тяжёлая боль. Я открыла глаза и победно улыбнулась Аркелу:

— Ну, что я тебе говорила?

Аркел недоверчиво ощупал кожу, снова ставшую белой и гладкой.

— Будь ты проклята, ворожея!

Мы рассмеялись.

Аркел склонил голову, рассматривая место ссадины, потом порывисто схватил мою руку и расцеловал костяшки.

— С ума сойти, Ивель! Это невероятно. Что ты сделала? Что это, если не ворожба?

Я пожала плечами. Меньше всего мне сейчас хотелось думать о тех мертвецах, с которыми я возилась по воле Ферна.

— Я просто захотела, чтобы ссадина прошла.

— Если я захочу, у меня тоже получится?

— Почём мне знать. Попробайся, только не сейчас, пожалуйста.

Я склонилась над Аркелом и поцеловала его в губы. Мне больше нравилось, когда он был занят делом, а не болтовнёй.



Иногда мне очень хотелось, чтобы мы с Аркелом были простой влюблённой парой. Гуляли по Стезелю, заходили к лоточникам, пили горячий сбитень прямо посреди гудящих улиц, покупали пряники и леденцы, а потом шли выбирать новые ленты для волос.

Но мы не были просто парой. И, по сути, не были влюблены.

Понятия не имею, как нас притянуло друг к другу и почему так долго не разводило по разным сторонам. Падальщица и лицедей — меня тянуло к нему из-за нарядов, а его, вероятно, из-за моей деятельности или происхождения. Мы оба искали диковин, а нашли друг друга.

День выдался свободным: и от мертвецов, и от жаждущих зрелищ живых. Мы вяло попытались исполнить мою мечту и отправились в город, стараясь делать всё так, как положено парам: я надела бледно-голубое платье и накидку, Аркел — штаны с камзолом, не шутовской наряд. Мы действительно пили сбитень и ели калачи, но горожане толкались в спины, с улиц несло лошадиным навозом и рыбой, успевшей завонять по пути из Зольмара. Наверное, будь я и правда влюблена, эти раздражающие мелочи показались бы милыми, но я всматривалась в Аркела — то открыто, то украдкой — и понимала, что моё сердце остаётся глухо к этому мужчине, несмотря на то что тело по-прежнему жаждет его ласк.

Я уже хотела распрощаться с Аркелом, договорившись о встрече на другой день, как вдруг всё решилось само собой. К нам протискивалась высокая беловолосая фигура, и боковым зрением я узнала брата. Узнал и Аркел, совершенно не мужественно исчезнув так, что позавидовал бы любой фокусник.

— Ивель! — прогрохотал голос брата, и я остановилась, хмуро глядя на него поверх надкусанного калача.

Мы с Лагре были очень похожи — оба пошли в отца, светловолосые и хорошо сложенные. В юности я печалилась, что не унаследовала мамин нежный румянец щёк и тонкий изящный нос. Если Лагре шли грубоватые черты лица, делая его мужественным и твёрдым, то мне, дочке из влиятельной семьи, полагалось быть хрупкой и милой. Хотя тут вопрос только в достатке семьи — очевидно, если бы матери





приспичило, меня бы выгодно выдали замуж, даже будь я одноглазой горбуньей.

— Я уже просил тебя, Ивель. — Лагре навис надо мной, грозно хмурия брови. Не знай я его с рождения, может, и испугалась бы такого здоровяка. — Он не пара тебе. Я не должен больше видеть вас вместе.

— А то что, Лагре? Отречёшься от меня? Больше не подольёшь вина на семейном торжестве?

— Тебе не пятнадцать. — Он покачал головой, и я отчего-то устыдилась. — Ты взрослая женщина, сестра. Не дерзи, из твоих уст это не звучит впечатляюще. Скорее... глупо.

— Вот именно, мне не пятнадцать, и я сама могу выбирать, с кем проводить время. Меня пока не выдали замуж, забыл? Когда выдадут, тогда и буду ложиться только с мерзким знатным супругом. И то... лишь поначалу.

Я нагло ухмыльнулась, чтоб сильнее разозлить Лагре. Его ноздри раздулись, как у быка, и, будь я мужчиной, он бы, наверное, ударил меня.

— Ты невыносима, Ивель. Невыносимая эгоистка. Ведёшь себя как маленькая избалованная девчонка. Когда же ты повзрослеешь? Неужели ты не можешь понять, что твой выбор — выбор всей семьи? Ты не себе выбираешь ушлого шута, ты выбираешь его всем нам. Отцу и матери. *Мне*. Сейчас я как никогда близок к царю. Он может назначить меня своим личным военным советником, но что он скажет, когда услышит, что моя родная сестра обжимается по углам с нищим артистом? Что подумает обо мне?

— Не поверю, что для царя это что-то значит. Как мнение о тебе может испортиться из-за того, с кем спит твоя сестра? Лагре! Ну подумай сам!

— Это ты подумай, Ивель. Тебе кажется, будто ты полностью принадлежишь сама себе, но в большей степени ты принадлежишь семье Лариме. Мать с отцом закрыли глаза на твоё желание стать падальщицей. Закрывают и на Аркела — до поры до времени.

Но я не настолько терпелив. Ты — моя сестра, а я — командующий сильнейшей армией в Царстве. Если я пожелаю, ты ляжешь под любого из вельмож. Даже под чудовище из Княжеств, если это понадобится царю. Ты услышала меня, Ивель?

Я невольно слотнула. Лагре не шутил. Он и правда мог выдать меня даже за князя-волхва. И не просто выдать — подарить. Он имел на то право, и даже моя смерть не могла помешать ему.

Лагре явно ждал ответа. Выдохнув, я стёрла с лица ухмылку и прошептала:

— Услышала.

Он кивнул:

— Вот и славно, Ивель. Ты неглупая девушка. А если я ещё раз увижу подле тебя этого проходимца, то убью его.

Лагре заботливо, с нежностью заправил мне волосы за ухо и поцеловал в макушку. Его нежность была напускной, от неё веяло большей угрозой, чем от рыка. Я знала: он не шутил. Не убил бы сам, так подослал бы наёмников. И никто бы не увидел больше Аркела.

Лагре пошёл прочь, возвышаясь над толпой, а я так и осталась стоять среди лоточников и прогуливающихся пар.



Меня потрясли слова Лагре о князе. Уже не раз я слышала от него слухи о том, что война с Княжествами — не такое уж невероятное событие. Я никогда не бывала на военных советах — кто же пустит туда взбалмошную падальщицу, пусть и сестру командующего? — и не слышала, о чём говорят советники. Вдруг нам и правда что-то грозит? Тогда стремление Ферна вернуть церкви власть, внушив людям веру

